

важную роль в поддержании законности войны и даже способствуют делегитимации мира, который часто ассоциируется с такими «женскими» чертами, как слабость, уступки и идеализм.

Подводя итог, стоит подчеркнуть, что изучение и рассмотрение понятия «безопасность» через призму школы феминизма дает возможность углубить понимание причин войн и конфликтов как части структуры современных международных отношений.

Литература

1. Dunne, T. International relations theories : discipline and diversity / T. Dunne, M. Kurki, S. Smith. – 2nd ed. – Oxford : Oxford University Press, 2016. – 363 p.

2. Baylis, J. The Globalization of World Politics: An Introduction to International Relations / J. Baylis, S. Smith, P. Owens. – 7th ed. – Oxford: Oxford University Press, 2017. – 610 p.

3. Moon, K. H. S. Sex among Allies: Military Prostitution in U.S.-Korea Relations / K. H. S. Moon – New York : Columbia University Press, 1997. – 240 p.

Восточная политика Республики Польша в Европейском союзе

*Брезинская А. В., студ. II к. БГУ,
науч. рук. Достанко Е. А., канд. полит. наук, доц.*

Евроинтеграция являлась ключевым направлением польской политики, начиная с момента распада Советского Союза, аннулирования Варшавского договора и, соответственно, приобретения возможности проводить независимую внешнюю политику. Выбор такого направления можно обосновать историческим соотношением Польши с европейскими государствами. Более того, правительство страны понимало, что оказывать влияние в приближающемся XXI в. можно будет лишь при поддержке крупных политических блоков. Важность иметь влияние на политической арене Европы также обосновывается исторически. Здесь сыграл свою роль фактор некогда великой Речи Посполитой, раздел которой в конце XVIII в. стал фактическим исчезновением независимого польского государства с политической карты мира. Многолетнее существование нации без государства и частые попытки противостоять диктату мировых держав наложили отпечаток на идентичность польского народа, предопределив такие черты, как обостренная национальная гордость, внимание к вопросам государственности и внешней зависимости. Все это в купе привело к тому, что, расценивая себя как члена Европейского союза, Республика Польша не допускала возможности позиции «государства периферии», стремясь стать активным участником союза, в особенности по

вопросам формирования его восточной внешней политики. Ведь именно в этом заключалась ее стратегическая сила. Такой вывод можно сделать даже со слов одного польского публициста Ежи Гедройца, еще во второй половине 1950-х гг. сказавшего о Польше так: «Чем сильнее мы на Востоке, тем важнее мы на Западе».

Республика Польша, начиная с момента первых переговоров о евроинтеграции и до настоящего времени, считает себя основной платформой, на которой должны строиться отношения с восточными соседями Евросоюза, своеобразным «адвокатом» стран Центрально-Восточной Европы, в первую очередь Украины. По мнению польских политиков и исследователей в области международных отношений, независимая и прозападная Украина (в первую очередь проамериканская, а затем проевропейская) – главное препятствие на пути восстановления Российской империи в любом ее виде. Это же мнение разделял известный американский политолог польского происхождения К. З. Бжезинский, в своей книге «Великая шахматная доска» отмечавший: «Без Украины Россия перестает быть евразийской империей». Такая озабоченность возможным усилением России и поиском путей противостояния находит объяснение в том, что на протяжении долго времени Польша находилась под ее непосредственной властью. Данный исторический опыт привел к формированию такой черты, как боязнь потери суверенитета, главным источником угрозы сделав именно Россию.

Первая инициатива Польши относится к 2002 г., то есть к моменту, когда страна еще не была официальным членом Евросоюза. Инициатива, получившая впоследствии название «Восточное измерение», была выдвинута Министерством иностранных дел Республики Польша в декабре 2002 г. В документе акцентировалось внимание на необходимости ликвидации барьеров между расширенным Евросоюзом и его восточными соседями с целью достижения стабилизации, безопасности и благополучия на восточных рубежах ЕС. Он не только затрагивал отношения расширенного ЕС с его непосредственными соседями – Украиной, Беларусью, Молдовой и Россией, но и оговаривал очевидную необходимость укрепления политики ЕС в отношении Кавказа и Центральной Азии. В мае 2008 г. Польша вернулась к вопросу о формировании восточной политике ЕС, при участии Швеции выдвинув новую инициативу «Польско-шведское предложение о Восточном партнерстве» (Polish-Swedish proposal. Eastern Partnership), сутью которой было сближение ЕС с шестью странами бывшего СССР – Украиной, Молдовой, Беларусью, Азербайджаном, Арменией и Грузией. Взаимодействие предполагалось осуществлять по таким направлениям, как политическая сфера и сфера безопасности, границы и перемещения людей, экономическая и финансовая сферы, защита окружающей среды, социальная сфера. Данная инициатива имела успех, и в июне 2008 г. этот проект был принят Европейским советом, а в мае 2009 г. в Праге состоялся саммит по проекту, на

который были приглашены представители вышеупомянутых стран и 27 государств – членов ЕС.

Анализируя когерентность польской восточной политики европейской, можно говорить о том, что во время расширения Европейского союза на восток их цели гармонично совпали. ЕС поставил перед собой задачу приблизить новых соседей в лице Украины, Молдовы и Беларуси к себе в экономическом и политическом отношении, что повлекло создание Европейской политики соседства, в которую, помимо постсоветских государств Восточной Европы, были приглашены страны Закавказья. С этого момента можно говорить о процессе взаимовлияния: с одной стороны, Польша пытается привнести в повестку дня ЕС свое отношение к этим странам, а с другой – адаптируется к коллективной европейской внешней политике.

Литература

1. Работы победителей Второго открытого конкурса «Актуальная наука»: Измерение времени, XX век : работы победителей Второго открытого конкурса студенческих и аспирантских работ «Актуальная наука» («СССР, Польша и другие страны Центральной и Восточной Европы в мировой политике : XX век») памяти О. Н. Кена / сост. В. Д. Кен ; науч. ред.: С. А. Исаев, А. И. Рупасов ; рец.: Н. А. Ломагин, С. В. Яров. – СПб. : Коста, 2010. – 143 с.

Проблема СНВ-3 в российско-американских отношениях

*Бурунова К. П., студ. II к. БГУ,
науч. рук. Турарбекова Р. М., канд. ист. наук, доц.*

Договор между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений (далее СНВ-3), который был подписан Президентом Д. Медведевым и Б. Обамой 8 апреля 2010 г. в Праге, вступил в силу 5 февраля 2011 г., был рассчитан на 10 лет с возможной пролонгацией на 5 лет. Договором предусмотрено сокращение ядерных боезарядов до 1 550 единиц, межконтинентальных баллистических ракет (МБР), баллистических ракет подводных лодок и тяжелых бомбардировщиков – до 700 единиц [1]. Несмотря на достаточно положительную оценку при заключении этого договора с обеих сторон, уже с начала 2018 г. отсутствует диалог между двумя государствами по поводу продления или перезаключения договора.

В марте 2018 г. Президент США Д. Трамп заявил, что хочет работать с Президентом России В. Путиным «для обсуждения гонки вооружений, которая выходит из-под контроля» [2]. Однако с тех пор Д. Трамп и В. Путин